

[11, с. 165]. И, наконец, упоминанием о несостоявшемся подарке-книжечке Федотика.

Подводя итоги, можно утверждать, что вещный круг подарков у Чехова достаточно ограничен. Подробное, «портретное» описание каждого из них предметов дает точное указание на место, время появления и ценность по отношению к жизненному пространству персонажей. Подарки не отличаются чем-то экстраординарным, они скорее будничны и привычны. Они не выбиваются из повседневного быта, уместны и естественны. Это — вещи-двойники своих дарителей, вещи-настроения, вещи-состояния.

Подчеркнем еще раз: особое взаимодействие внутреннего движения и внешних проявлений, особый контакт между всеми участниками, как субъектами, так и объектами отдельно взятого эпизода, естественность этих связей стали условием создания особой разновидности современного театра — театра психологического, который чаще именуют «чеховским».

Список литературы

1. *Фадеева И., Сулимов В.* Национальный семиозис и современная русская культура // История совести. — Сыктывкар, 2011. — № 34. — С. 425 — 428.
2. *Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета: этнографические очерки. — Л.: Наука, 1990.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т 1 / под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Репринтное издание. — М.: Цитадель, 1999.
4. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 // под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Советская энциклопедия, 1940.
5. *Мосс М.* Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общество. Обмен. Личность // М. Мосс. — М.: Наука: Восточная литература РАН, 1996. — С. 85—111.
6. *Вайнштейн О.* Мифология подарков [Электронный ресурс]. — Режим доступа <http://www.stengazeta.net/article.html?article=4222>
7. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. — СПб.: Наука, 1993.
8. *Жельвис В.И.* «Мы одной крови — ты и я!»: Учебное пособие по межкультурной коммуникации. — Ярославль: ЯГПУ—Канцлер, 2006.
9. *Хренов Н.А.* Урбанизационные аспекты перехода в культуру // Город в процессах исторических переходов: теоретические аспекты и социокультурные характеристики / отв. ред. Э.В. Сайко. — М.: Наука, 2001.
10. *Станиславский К.С.* А.П. Чехов в Художественном театре (Воспоминания) // Чехов в воспоминаниях современников / сост. Н.И. Гитович. — М.: Художественная литература, 1986.
11. *Чехов А.П.* Пьесы 1895 — 1904. Сочинения. Т. 13. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. — М.: Наука, 1978.
12. *Чехов А.П.* Пьесы 1889 — 1891. Сочинения. Т. 12. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. — М.: Наука, 1978.
13. *Абдуллаева З.* Вещь в мире Чехова // Декоративное искусство. — 1985. — № 4. — С.42—45.

УДК 008

ББК 71.18+83в6

А.А. КОЗЛОВА

ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ

Категории другого и инаковости, выражающиеся главным образом в представлении о другой культуре, языке и менталитете какого-либо народа в литературе другого народа — одна из актуальных проблем современного литературоведения, в частности компаративистики. Восприятие одной культуры другой порождает представления о другом народе или стране, которые, в свою очередь, постепенно складываются в определенный образ. Он может в большей или меньшей степени соответствовать реальности, а может и существенно от нее отличаться. Формирование образа — процесс, происходящий на протяжении довольно длительного времени и претерпевающий влияние самых разнообразных и неожиданных факторов.

Ключевые слова: имагологический метод, имагология, другой, инаковость, компаративистика, имагема, имаготема, культурный паттерн.

Исследование и анализ образа другой страны находятся на пересечении нескольких научно-исследовательских направлений и наук, в частности, таких как история, лингвистика, филология, когнитив-

истика, политология, культурология, антропология и т. д. Междисциплинарность, завоевывающая все большее признание в последнее время, присуща данной проблеме в полной мере. Кроме того, можно отметить

усиливающееся внимание к сравнительно-историческому сопоставлению образов народов и стран у авторов различных национальных литератур, что приобретает особую актуальность в эру расширения межнациональных культурных контактов. Взаимная оценка народов в художественной (а также и нехудожественной) литературе давно стала одним из объектов изучения литературоведческой компаративистики. Так, уже Луи-Поль Бетц в своей работе «Критические наблюдения над существом, задачей и значением сравнительной истории литературы» (Париж, 1896) настаивал на анализе изменяющихся взаимных представлений народов и наций как об одной из главных задач компаративной литературоведческой науки. При этом исследователь частично опирался на мнение Гёте [1, s. 126], говорившего о связях между народами, которые способствуют самопознанию каждой национальной литературы.

В западном литературоведении сложилось целое отдельное направление (оно довольно быстро вошло в число основных сфер интереса и российской компаративистики), которое рассматривает проблему представлений и источников формирования образов стран и народов в литературах других стран. Оно получило название «имагология» (от латинского *imago* — образ, отражение, изображение), хотя на роль названия направления претендуют все три лексемы — «имиджология», «имагология», «имэджинология». Все они произошли от термина «образ» (*image*, первоначально лат. *imago* — образ, отражение, представление), но две первых обозначают «науку об образах» (*image + logos*) и различаются английским (*imagology*) и французским (*imagologie*) вариантами произнесения. Третье понятие можно перевести как «наука о представлении» (*imaginology*), то есть о процессе создания образов (от англ. *imagine* — воображать, представлять).

Говоря о сфере имагологии, мы будем употреблять по отношению к объекту изучения термин «образ», а не «имидж» (англ. *image*). Второе понятие в последнее время обросло множеством различных трактовок, определяющий общий семантический оттенок которых — способность воздействия на окружающих и публичность объекта, носителя имиджа; возможно, следует признать правильным и логичным трактовку слова «имидж» через русское слово «облик» [2]. Имидж соотносится скорее с рекламно-маркетинговой средой, в то время как мы — в среде историко-филологической. В подтверждение скажем, что наука имиджология, имеющая в своем корне именно слово «имидж», а не «имаго», существует и успешно развивается особенно в последнее время как бихевиористское направление, «наука о технологии личного обаяния» и «комплексная практическая дисциплина по созданию и преобразованию имиджа» [3, 4, 5]¹.

¹ См. также ежегодные издания «Имиджология» (на основе материалов международных симпозиумов по имиджологии) и «Известия Академии имиджологии».

Известнейший ученый-компаративист Хуго Дизеринк пишет об имагологии так: «Сравнительная имагология стремится в первую очередь к тому, чтобы исследовать и постичь определенные формы проявления образов [стран или народов — А.К.], равно как момент их зарождения и их бытование. Кроме того, она хочет способствовать тому, чтобы осветить ту роль, которую играют такие литературные образы при встрече отдельных культур друг с другом» [1, s. 131]. В значительной мере вопросы и предметы внимания имагологии пересекаются и соприкасаются с культурологической и лингвистической когнитивистикой, что мы уже отмечали выше.

Безусловно, западная наука в области имагологии предстает в качестве наставника, так как вклад западных ученых гораздо богаче и весомей, хотя в отечественной науке эту научную сферу значительно разработали и расширили такие исследователи, как М.П. Алексеев, И.О. Шайтанов, А.В. Павловская, Г.Д. Гачев², И.В. Морозова, В.А. Хорев, А.Р. Ощепков [6; 11] и др. Эти исследователи не только занимались и занимаются теорией и разработкой понятий имагологии и сравнительно-исторического литературоведения в целом, но и специализируются на отдельных направлениях — англо-русских отношениях (И.О. Шайтанов, А.В. Павловская), американо-русских связях (И.В. Морозова), литературных пересечениях России и Польши (В.А. Хорев).

Ж.-М. Карре исследовал формирование и эволюцию образа Германии во французской литературе XIX — первой половины XX века. В предисловии к книге он подчеркивал, что не собирается изучать влияние немецкой литературы на французскую, и что свою цель он видит в том, чтобы «напомнить о тех оптических ошибках, которые были допущены французскими писателями» в их представлениях о Германии» [12, p. 223].

Польская исследовательница М. Швидерска связывает возникновение имагологии прежде всего с именами компаративиста Ж.-М. Мура, французского специалиста, автора работы «Литературоведческая имагология, эссе о ее вкладе с точки зрения истории и критики», и французского философа Поля Рикера, автора работ «Время и рассказ», «Память, история, забвение», «Я-сам как другой». Исследовательница пишет, что «по мнению Ж.-М. Мура, общественная фантазия способствует созданию культурно-опосредованных образов “чужого” в литературе, которые имеют идеологический или утопический характер. В тексте эти образы исполняют либо интегрирующую роль (как идеология), либо (как утопия) роль субверсивную, разрушающую данную группу, нацию или культуру» [13, s. 115]. Литературоведческая имагология по Швидерской — это «герменевтический метод интерпретации («объяснения») «глубинной семантики» (Поль Рикер) феномена культурного, национального или этнического «чужого», проявляющегося в мире художественных текстов» [13, s. 115].

² См. научные сборники МГУ «Россия и Запад: диалог культур», выпущенные по материалам одноименных конференций.

Своеобразным манифестом имагологии, безусловно, стало «Сравнительное литературоведение» Гийяра, где он призывал к исследованию именно мифов-образов, а не влияния одной литературы на другую: «Не будем больше проследивать и изучать иллюзорные влияния одной литературы на другую. Лучше попытаемся понять, как формируются и существуют в индивидуальном или коллективном сознании великие мифы о других народах и нациях <...> — в этом залог обновления компаративистики, новое направление ее исследований» (Цит. по: [11, с. 251]). Проблема рецепции «другого», таким образом, выходит на первый план.

Работы Карре и Гийяра стали поворотными в сравнительно-исторической области знания, а статьи Хуго Дизеринка закрепили эту смену направления мысли. В статье 1966 года «К проблеме "имиджей" и "миражей"» и их исследования в рамках сравнительного литературоведения ученый рассматривает имагологию как часть компаративистики, а главное, подвергает виртуализации понятие «нация» (что было начато, следует сказать, еще Карлом Поппером) и изучает ее с точки зрения не реально существующей общности, но ментальной конструкции, «временной модели мышления». Ставится под сомнение объективное существование наций, а, следовательно, и понятие национальной идентичности. Эта работа легла в основу так называемой «Аахенской программы по имагологии» и послужила толчком для развития мысли других исследователей в этом направлении, в частности Даниеля-Анри Пажо³.

Одна из главнейших категорий, которыми оперирует имагология — это, конечно, образ. Собственно, имагология, соответственно своему названию, изучает образы, это слово встречается наиболее часто в имагологических исследованиях, и с него и следует начать. Философские рассуждения об образе начались еще в античности, с Платона и Аристотеля, были продолжены идеалистами и материалистами, феноменологами (Э. Гуссерлем) и философами обыденного языка — Л. Витгенштейном [14].

Образ — понятие чрезвычайно широкое, получающее различные трактовки в зависимости от философской, социологической, психологической, филологической или эстетической тематики, поэтому наиболее кратко образ можно определить как субъективное изображение картины мира. Наиболее важная для имагологии категория — ментальные образы. Иная культура, проходя через процесс умопостижения, восприятия — перцепции, становится ментальным продуктом, который соответственно социальным, психологическим и др. факторам воспринимающего субъекта превращается в рецептивный, принятый и усвоенный ментальный образ. Так, образ может

обозначать или некую часть (клише, стереотип), или целое (образ народа, страны, мира).

Стереотип — другое центральное понятие имагологии. Оно вводится в связи с проблемой аберрации, или искажения видения иноязычной культуры. Эту проблему также называют «проблемой стереотипов» [15, с. 6]. Неправильные, односторонние, основанные на недостаточной или неполной информации, а то и просто на предрассудках, мнения о других странах и народах приобретают устойчивость стереотипов. Эти стереотипы живут в народном сознании, они влияют на изображение иных стран, иных культур в литературных произведениях. Таковы, например, устойчивые представления о рассудочности или, наоборот, ветренности французов, о холодности англичан, беспечности итальянцев или страстности испанцев и т. п. — представления, как правило, не находящие подтверждения в реальном общении, но прочно закрепившиеся, в том числе и в литературе.

Зачастую образ другой культуры выстраивается в виде целой системы стереотипов перцепции. Говоря о стереотипах, исследователи выделяют несколько разнородных систем применительно к образу того или иного народа: культурологических, антропологических, бытовых, психологических, философских, литературных, социально-политических. Соответственно, различают также имагологию историческую (Е.С. И А.С. Сенявские первыми заговорили об «исторической имагологии» [16]; ее источниками являются архивные документы, материалы национальной истории, обладающие высокой степенью достоверности), художественную (ее сферами-источниками служат искусство и кино), собственно литературоведческую и фольклорную (половицы, поговорки и др. жанры фольклора как источники стереотипных представлений об иностранцах). Также нередко продуктивным является изучение языка: языковая картина в тот или иной исторический период отражает особенности — и стереотипы — национального сознания, что позволяет извлекать из нее имагологическую информацию [17, с. 32]. Тем не менее, как мы уже говорили выше, такое разделение условно в силу междисциплинарности характера имагологии.

Главное, что, изучая образ одной страны в восприятии другой страны, необходимо разделять собственно иноязычную (и здесь проявляется наиболее ярко лингвистический аспект проблемы) культуру как объективную данность и культуру как систему инокультурных и автокультурных стереотипов и ее интерпретаций. Здесь уместно вспомнить работы основателя сравнительно-исторического метода в отечественной науке А.Н. Веселовского, в которых рассматривается соотношение мифа и человеческого сознания, мифа и сказочных мотивов. Идея стереотипа как своего рода мифа или системы мифологем, сложившейся в представлении о какой-либо стране, как коллективного (и, в общем, бессознательного) образа этой страны, имеющего разнородное сложное

³ Следует упомянуть его труды «Перспектива исследований в сравнительном литературоведении: культурная иконография» (1981) и «Культурная иконография: от сравнительного литературоведения к культурной антропологии» (1983).

строение и стадийное развитие, оказывается в данном случае естественным образом применимой.

Необходимо подчеркнуть, что в процессе анализа того или иного стереотипа, т. е. устойчивого, сложившегося обобщенного представления о «чужом», раскрывается и характеризуется и сам воспринимающий субъект — отражаются особенности национального сознания и национальной системы ценностей.

Наконец, при изучении того или иного образа в литературном произведении нужно опираться не только на влияние конструктивных особенностей жанра изучаемого произведения, но и на временной историко-культурный контекст источника, который, как правило, оказывает сильное влияние на формирование образа.

Соседние понятия — это пары «Свой» — «Чужой», «Другой», «Иной», которые пишутся чаще всего с заглавной буквы и обозначают оценочные представления, продукт рецепции о внешнем мире. о «Другом» как противоположном «я», внешнем «Другом», писали И. Кант, немецкие романтики, последователи гердеровского «национального духа» и Гегеля, Э. Гуссерль, Ж. Деррида и Ж.-П. Сартр, а М. М. Бахтин сделал это понятие центром своей концепции глобального диалогизма. о «Другом» — внутреннем говорили такие авторы, как П. Рикер («Я-сам как другой», 1990) или А. Камю («Посторонний», 1942). Имагологи же в своих исследованиях имеют в виду образ иностранца, то есть говорят о «Другом» — внешнем, что необходимо иметь в виду при изучении данной сферы.

«Чужой» — термин с гораздо более ярко выраженной негативной окраской, чем «Другой». Программной статьей о «Чужом» считается статья филолога-германиста Л.З. Копелева «Чужие» (1993), где он связывал переход образов «Чужого» в образ врага с первобытным «пралогическим мышлением».

Очевидно, что эта бинарная оппозиция является архетипом — общечеловеческим и фундаментальным мотивом, лежащим в основе любых художественных структур по Юнгу [18, с. 110]. С первобытных времен другие племена считались «чужими» в том смысле, что лишались характеристик и качеств людей — они были «нелюдями» с признаками, по сути, потустороннего мира. У Страбона («География», примерно 25—23 гг. до н. э.) и Геродота («История», II—III вв. н. э.) встречаются описания других народностей с мифологическими, фантастическими чертами — шерстью на теле, тремя ногами и т. д.

Постепенно, по мере расширения межнациональных и межгосударственных контактов, знания о «чужих» народах увеличиваются и становятся достовернее, чему во многом способствует литературный жанр путешествий, который появляется приблизительно в XVIII веке.

Понятие «Иной» более нейтрально. «Иной» — это некий, неопределенный. Согласно методологии М. Бубера, Э. Левинаса и Э. Дусселя [19], инаковость трактуется как маргинальная, пограничная категория, которая баланси-

рует между противоположным (абсолютно чужим) и тождественным (своим). Таким образом, как нам кажется, это, последнее понятие лучше всего подходит к характеристике иностранца (а не чужестранца): оно подразумевает некую связь, бахтиновский диалог культур и интеракцию и не несет негативного смысла.

Следующие термины, которые необходимо выделить: «перцепция», «рецепция» и «влияние». Понятие перцепции как восприятия, сходно и часто путается с понятием рецепции, то есть восприятия и преобразования. Применительно к механизмам имагологии можно сказать, что перцепция представляет собой первый этап, рецепция же — второй. Французский исследователь И. Шеврель в своей книге «Сравнительное литературоведение» разграничивает понятия «рецепция» и «влияние», утверждая, что в сфере имагологии первое понятие вытеснило второе, так как рецепция связана больше с процессом коллективного восприятия, в то время как влияние индивидуально и, соответственно, меньше коррелирует с духом имагологии, которую, к слову, он называет актуальным направлением современной компаративистики, системно изучающим представления одного народа о другом [20, р. 7].

Специализированные термины, входящие в понятийный аппарат имагологии и предназначенные дифференцировать и уточнить слишком широкое понятие «образ», — это термины «имаготип», «имагема», «имаготема».

Термин «имаготип» был введен учеником Х. Дизеринка М. Фишером. Он подчеркивает однообразие, повторяемость образов другой культуры [21]. Исследователь С. Жон на примере изображения американцев во французском романе и театре убедительно показал, что персонажи-иностранцы лишены индивидуальных черт и представляют собой стандартизированные, легко узнаваемые фигуры (типажи) [22]. В современной речи и культуре понятие «имаготип» больше ассоциируется со сферой маркетинга и обозначает часть бренда (торговой марки). Такие коннотации, конечно, не имеют отношения к имагологии.

Имаготип ведет за собой термины «имаготипная система» и «имаготипная структура», которые обозначают более сложно организованные продукты рецепции.

Ж.-М. Мура ввел категории «имагема» и «имаготема» [23]. Имагема, согласно его определению, — это национальный образ: «национальные имагеми определяются их янусовой амбивалентностью и невосприимчивостью к собственному устареванию» [23, р. 17]. Иначе говоря, имагема имеет два атрибутивных признака: невосприимчивость к устареванию, что является яркой чертой стереотипа, и амбивалентностью, т. е. бинарной оппозицией «свое/чужое».

Понятие же «имаготема» обозначает мотив, рефрен, который переходит из текста в текст и из группы в группу в пределах воспринимающей общности. С помощью понятия «имаготема» выявляется система образов и мнений,

а также раскрывается то, как именно эти представления вплетены в ткань интеллектуальной, общественной и социокультурной жизни.

Благодаря исследовательнице М. Тодоровой появилось такое понятие, как «культурный паттерн», которое используется последнее время все чаще. В частности, ученый Дж. Лирсен оперирует этой категорией в своей программной статье по имагологии [24, с. 17].

Паттерн (от англ. «образец», «модель») используется и техническими, и гуманитарными дисциплинами во многих значениях: «шаблон», «система», «структура», «принцип», «образ», «стереотип», «образец», «архетип», а также «ментальная модель». У. Липпман писал о паттернах, подразумеваемая под этим термином стереотипы культуры [25, с. 73, 100, 106]. В сфере имагологии польза этого термина заключается в отнесении продуктов межкультурной коммуникации к сфере рецепции, а не перцепции.

Понятие «репрезентация» широко используется в имагологии и обозначает отражение той или иной сферы действительности. Интерпретация — похожий термин, который обозначает трактовку, раскрытие смысла и используется во множестве других дисциплин разной направленности.

Понятие «представление» разделяется на «воображение» (продуктивное и репродуктивное) и «понятие» (символическое и схематичное) и охватывает, таким образом, весь спектр рецепции — от цельных и логичных философских систем до мнений, идей, мифов и предрассудков, которые строятся из «кирпичиков» — представлений. Так, Н.А. Ерофеев изучал представления — «словесный образ или образ чужого народа» [26, с. 7, 29].

Имагология, до сегодняшнего дня так и не получившая определенного статуса, продолжает развиваться и отвоевывать все больше места у разных дисциплин, включая филологию, культурологию, историю, фольклор и т. д., доказывая свою междисциплинарную природу и демонстрируя необычайную глубину и разнообразие предмета изучения.

Список литературы

1. Dyserinck H. Komparatistik. Eine Einf hrung / Hugo Dyserinck. — Bonn : Bouvier, 1977.
2. Тер-Минасова Д. И. Об особенностях трактовки термина «имидж» в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2007. — № 2. — С. 32—45.
3. Почепцов Г.Г. Имиджология. — Киев, 2006.
4. Стрижова А.Ф., Ушакова Н.В. Имиджология. — М., 2008.
5. Шепель В.М. Имиджология. Как нравиться людям. — М., 2002.
6. Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений. — Л.: Изд. Ленингр. ун-в., 1964.
7. Шайтанов И. Уравнение с двумя неизвестными: поэты-метафизики Джон Донн и Иосиф Бродский // Вопросы литературы. — 1998. — № 6. — С. 14—29.
8. Павловская А. В. Англия и англичане // ГЕО. — 2003. — № 4. — С. 67—72.
9. Морозова И. В. о перспективах междисциплинарных исследований в изучении Америки: американистика и имагология // Американский ежегодник 2008/2009. — М.: ИВИ РАН, 2010. — С. 91—94.
10. Хорев В. А. Имагология и изучение русско-польских литературных связей // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. — М.: Индрик, 2000. — С. 22—32.
11. Ощепков А. Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. — 2010. — № 1. — С. 251—253.
12. Carr J.-M. Les crivains fran aïs et le mirage allemand: 1800—1940. P. : Boivin et Cie, 1947.
13. Schwiderska M. Das literarische Werk F. M. Dostoevskijs aus imagologischer Sicht mit besonderer Berucksichtigung der Darstellung Polens. Muenchen, 2001.
14. Beller M. Perception, image, imagology // Imagology: The Cultural Construction and Literary representation of National Characters. N.Y., 2007.
15. Елистратов В. С. Россия как миф (к вопросу о структурно мифологических типах восприятия России Западом) // Россия и Запад: диалог культур. — 1994. — Вып. 3. — С. 12—34.
16. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX века // Вестник РУДН. Сер. История России. — 2006. — № 2 (6). — С. 54—78.
17. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. — 2011. — № 4. — С. 31—40.
18. Аверинцев С. С. Архетипы // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. — М., 1980.
19. Аббасова Н.Т. Опыт инаковости Другого в философии Э. Левинаса // Вестник Самарского государственного университета. — 2007. — № 5 (1). — С. 32—67.
20. Chevrel I. La litterature comparee. Paris, 2006.
21. Fischer M. Komparatistische Imagologie. Fur eine interdisziplinare Erforschung national-imagotyper Systeme // Zeitschrift fur Sozialpsychologie. — 1979. — № 3.
22. Jeune S. De F.T. Graindorge à A.O. Barnabooth. Les types americains dans le roman et le théâtre français (1861—1917). — P., 1961.
23. Moura J.-M. L'imagologie littéraire: tendances actuelles // Perspectives comparatistes / J. Bessière, D.-H. Pageaux. — P., 1999.
24. Leerssen J. Imagology: history and method. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.imagologica.eu/pdf/historymethod.pdf>
25. Липпман У. Общественное мнение. — М., 2004.
26. Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825—1853 гг. — М.: 1982.